Муратова Елена Георгиевна, Батуева Элина Аскербиевна

ИНСТИТУТ АМАНАТСТВА В ПОЛИТИКЕ РОССИИ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Статья посвящена рассмотрению аманатства в политике России на Центральном Кавказе в первой половине XIX века как института, обеспечивавшего выполнение политических соглашений, и как действенного способа удержания в покорности завоеванных народов, у которых в этот период существовало внешнее "приставское" управление и отсутствовали судебно-административные институты, учрежденные российской властью. Показано, что аманатство, как эффективный инструмент внутренней политики, использовалось, прежде всего, в отношении так называемых "непокорных горцев" и как превентивная мера "в борьбе с изменой". При этом большую роль в формировании местной пророссийски настроенной элиты сыграли школы для детей-аманатов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/26.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(69): в 2-х ч. Ч. 1. С. 89-92. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

INFLUENCE OF EXPANDED OBJECTIVE-VIRTUAL REALITY ON CONTEMPORARY SOCIETY LIFE

Makeev Sergei Nikolaevich
Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsevev
memfisrine@yandex.ru

The article examines the issue of the influence of expanded objective-virtual reality on contemporary society life. The facts justifying the topicality of the examination of this phenomenon from the viewpoint of social philosophy are given. The evaluation of the impact of the technologies of expanded objective-virtual reality on society life, which reflects the condition of the main spheres of society life in contemporary reality, is presented. Special attention is paid to the analysis of communication process in the space of expanded objective-virtual reality on the basis of social networks.

Key words and phrases: expanded objective-virtual reality; social network; online service; society; communication; spheres of life.

УДК 93(470.6)
Исторические науки и археология

Статья посвящена рассмотрению аманатства в политике России на Центральном Кавказе в первой половине XIX века как института, обеспечивавшего выполнение политических соглашений, и как действенного способа удержания в покорности завоеванных народов, у которых в этот период существовало внешнее «приставское» управление и отсутствовали судебно-административные институты, учрежденные российской властью. Показано, что аманатство, как эффективный инструмент внутренней политики, использовалось, прежде всего, в отношении так называемых «непокорных горцев» и как превентивная мера «в борьбе с изменой». При этом большую роль в формировании местной пророссийски настроенной элиты сыграли школы для детей-аманатов.

Ключевые слова и фразы: политика России; Северный Кавказ; XIX век; аманаты; аманатские школы.

Муратова Елена Георгиевна, д.и.н., профессор
Батуева Элина Аскербиевна
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова
lena_gm@mail.ru; elina.batueva@mail.ru

ИНСТИТУТ АМАНАТСТВА В ПОЛИТИКЕ РОССИИ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В традиционном обществе обычай брать/выдавать политических заложников – аманатов – был достаточно широко распространен у различных народов. Подобная практика и в первой половине XIX в. применялась во взаимоотношениях российских властей с народами, населявшими юго-восточные окраины государства и принимавшими подданство Российской империи. Изучение аманатства в широком историческом контексте как института, обеспечивающего выполнение политических соглашений, и как действенного способа удержания в покорности завоеванных народов представляет большой научный интерес.

Данная научная проблема имеет достаточную источниковую базу, в основном освоенную исследователями. Тема аманатов в русско-кавказских отношениях постоянно возникала уже в историографии XIX века в связи с освещением основных направлений политики России на Кавказе и хода военных действий в регионе. Это со всей очевидностью доказывают материалы П. Г. Буткова [4], мемуары А. П. Ермолова [9], многотомный труд В. А. Потто [14]. Названные сочинения дают обширный эмпирический материал, позволяющий анализировать влияние института аманатства на характер российско-северокавказских отношений в ходе Кавказской войны.

Современная историография проблемы включает наряду с обобщающими трудами по истории народов Северного Кавказа, в которых неизменно затрагиваются вопросы аманатства [5; 7; 17; 18; 20], специальные статьи, посвященные исследованию этого социального и политического института. Большинство статей появилось в последнее десятилетие. Наиболее широко представлены работы, посвященные бытованию аманатства у кавказских народов [1; 3; 10; 12; 19; 21; 23]. Вместе с тем имеются труды, показывающие роль этого института в освоении других регионов и предоставляющие значительный сравнительный материал по данному предмету [6; 16]. Представляется, что проблема аманатства в русско-северокавказских отношениях нуждается в дальнейшей фактологической и теоретической разработке.

В начале XIX в. институт аманатства по-прежнему использовался российскими властями на Центральном Кавказе как эффективный инструмент, обеспечивающий лояльность горской знати к новой политико-административной системе и удержание в покорности местных народов. Однако по мере учреждения новых административно-судебных органов, прежде всего в Кабарде, практика брать политических заложников из кабардинских владельческих фамилий постепенно угасает и в то же время продолжает действовать в отношении других народов региона. Так, в отношении генерал-лейтенанта Кнорринга к министру финансов графу Васильеву от 20 марта 1802 г. за № 337, в частности, говорилось, что с учреждением в Большой и Малой Кабарде родовых

судов и расправ отпала необходимость в содержании аманатов от кабардинского народа. Но вместо них прибавилось до 24 человек от чеченцев, ингушей и других горских народов, часть которых приняли российское подданство, а остальные дали обещание «не делать границам здешним беспокойства своими хищничествами». Далее, как указывает Кнорринг, никакого сокращения расходов на содержание аманатов ожидать не приходится «по случаю предполагаемого взятия еще до 15 аманатов от живущих по дороге в Грузию лежащей народов, осетинцев, дигорцев и карабулаков» [13, с. 743-744]. Таким образом, безопасная коммуникация с Грузией после ее присоединения к Российской империи обеспечивалась в том числе с использованием института аманатства.

Весьма показателен Указ Александра I «О распределении пленных Горских народов, аманатов и Кабардинских беев и узденей» от 1820 г., в котором, в частности, говорилось о том, как поступать с теми, кто нарушил политические договоренности: «аманатов от народов, изменивших присягу на подданство России и таковых, кто ее не принимал, отправлять годных из них в службу в полевые полки Корпусов 1 пехотного и отдельного Финляндского, куда высылать также кабардинских Беев (помещиков) и Узденей (дворян) возбуждающих народы к разбою, грабежу и измене, определяя сих последних унтер-офицерами, с предоставлением им способов к выслуге, как людям высшего состояния» [11, с. 389].

Практика выдачи аманатов для сохранения верности России касалась и балкарских владельцев. В источниках за 1822 г. встречается первое упоминание о выдаче детей старшин этих обществ в аманаты. Сначала они содержались в Георгиевском укреплении (в 1823 г. там находилось 7 балкарских мальчиков в возрасте от 8 до 17 лет), а в августе 1826 г. были переведены в укрепление Нальчик, там же с ноября содержались и сыновья осетинских старшин-дигорцев [26, д. 18, л. 13-15].

В 1827 г. после принесения верноподданнической присяги от Балкарского общества было выдано 2 аманата, от Урусбиевского – 1, от Чегемского – 3, от Хуламского – 1 и от Безенгиевского – 1 аманат [15, д. 6244, л. 23]. Они содержались в казенном доме в крепости Нальчик. Это был турлучный дом, состоявший из четырех комнат, с деревянным полом и потолком, крытый сеном. Со временем он пришел в ветхость, поэтому командующий войсками на Кавказской линии Эмануэль приказал пол и потолок перебрать, заменить гнилые доски и оконные рамы, дом изнутри и снаружи обмазать глиной и побелить, вокруг сделать новый забор [25, д. 4, т. 1, л. 13 об.]. В дальнейшем кавказская администрация пыталась повлиять на горские народы через детей-аманатов, используя их как проводников российской культуры и общественного устройства.

1 февраля 1829 года, по указанию Эмануэля, была открыта аманатская школа в крепости Нальчик. Предписывалось, «чтобы находящиеся от разных горских народов в залог покорности их аманаты занимались по мере письменным учением, как на турецком, равно и на русском языках» [Там же, т. 2, л. 234]. Обучением горских детей занялся адыгский просветитель Шора Ногмов, ему в помощники был назначен «российский чистописатель». Интересные воспоминания об аманатской школе оставил венгерский путешественник и ученый Жан-Шарль де Бесс, участвовавший в академической экспедиции на Эльбрус в 1829 г., а затем посетивший Нальчик. Относительно аманатской школы у Жана-Шарля де Бесса сложились следующие впечатления: «Комендант любезно привел ко мне семнадцать детей в возрасте тринадцати-четырнадцати лет, выходцев из старшин карачаевцев, кабардинцев, дугуров и прочих… Детей обучают читать, писать, говорить по-русски… Правительство, устраивая эту школу, имело в виду весьма мудрый политический расчет. Дети местных жителей, меняя свои первоначальные представления и постепенно отказываясь от своей неприязни к русским, возвратятся к домашним очагам более образованными, более развитыми и приобщенными к европейским нравам… На протяжении всего периода времени, что они находятся в Нальчикской школе, детей вполне прилично содержат, кормят и одевают по образу жизни в их стране» [2, с. 337-338]. Е. С. Тютюнина, специально изучившая именной список аманатов, находившихся в Нальчике в 1830 году, пришла к заключению, что «ни кабардинцев, ни карачаевцев среди аманатов нет… Если же среди учеников, виденных Бешше в Нальчике, действительно находились кабардинцы, то они не были аманатами. Одновременно в крепости на положении аманатов проживало около 10-11 мальчиков, представлявших знатные балкарские и осетинские фамилии Урусбиевых, Суншевых, Балкаруковых, Келеметовых, Абаевых, Айдеболовых, Шакмановых и др. … учитывая их сменяемость, можно полагать, что за время существования школы “курс” обучения всего прошло около 20 аманатов в возрасте 9-13 лет» [22, с. 15]. Видимо, после отъезда весной 1830 г. Ш. Ногмова в Петербург эта школа прекратила свою работу. В 1831 году на содержание аманатов и их прислуги было выделено 139 рублей 75 копеек [25, д. 6, т. 1, л. 24]. В сутки для обеспечения одного мальчика отпускалось по 7,2 копейки [Там же, д. 90, т. 2, л. 249].

В одном из источников говорится, что балкарские общества «сдавна покорные, дав однажды аманатов и переменяются через начальника Центра Кавказской линии» [8, с. 18-19]. По достижении совершеннолетия аманаты заменялись другими высокородными детьми. В документах начальника Центра Кавказской линии встречаются обращения балкарских князей с просьбой вернуть сыновей и истребовать на их место аманатов из других владельческих фамилий [25, д. 90, т. 2, л. 335 об.]. С аналогичными просьбами обращались и карачаевские князья Крымшахаловы в 1834 г. к Вельяминову: «Мы имеем с закубанцами явную вражду до сих пор из нас никто не нарушил свое условие, и впредь будем оное хранить в точности и будем стараться оказывать свою верность, почему просим Ваше Высокоблагородие по обещанию приложить ваше старание сменить наших детей, которые содержаться у вас в аманатах…» [24, д. 45, л. 208 – 208 об.]. Таким образом, в условиях продолжавшейся Кавказской войны институт заложничества расценивался как достаточно эффективный механизм содержания в покорности горских обществ, имеющих границы с закубанскими народами, продолжавшими сопротивление царизму до 1864 года.

В 1857 году кавказская администрация пришла к заключению о ненадобности содержания аманатов от балкарских обществ, «как вследствие того, что из всех этих племен от старшин есть в Нальчикской школе дети, так и потому, что горцы прекрасно вели себя во время минувшей войны и прежде оной» [25, д. 1830, л. 31]. К концу этого года аманаты от балкарских обществ были освобождены и отправлены по месту их жительства. Карачаевские же дети были переданы в распоряжение командующего войсками Правого крыла Кавказской линии. Это был весьма знаменательный шаг, свидетельствовавший о том, что во взаимоотношении этих народов с Россией закончилась целая эпоха. Институт аманатов, вполне пригодный и эффективный инструмент для регуляции традиционных правоотношений, к этому времени постепенно изжил себя. Начался новый этап российско-северокавказских отношений, когда интеграционный механизм был запущен в военной, административной, образовательной и культурной сферах.

Отдельно следует сказать об урупских, или «беглых», кабардинцах, которых российские власти относили к числу непокорных народов, в связи с этим практика взятия аманатов-заложников от них не прекращалась. Большинство из них бежали на Уруп, чтобы не поддаваться российскому влиянию. Список аманатов от урупских кабардинцев составлен уже при первом известии о появлении «сборища» закубанцев в соседстве с карачаевскими землями. «Была замечена совершенная готовность обеспечить российское правительство заложниками в их верности, в которой уже более служит порукою просьба людей, более пользующихся влиянием – чтобы им позволено было табуны и стада свои перевести на Куму, если окажется безопасность» [Там же, д. 129, л. 21].

Как показывают источники, взятие аманатов у западных адыгов и так называемых «беглых» кабардинцев продолжалось вплоть до полного их покорения. Аманатов брали в залог на время переселения урупских кабардинцев и башильбаевцев из вершин Урупа на Зеленчуки. И это происходило не без принуждения. Тому свидетельство рапорт главнокомандующего войсками Кавказской линии и Черномории от 18 февраля 1850 г.: «Урупские кабардинцы непременно должны быть переселены на Зеленчук и выдать в удостоверение этого аманатов… Ныне полковник Волков доносит, что урупские кабардинцы и башильбаевцы согласились переселиться на Зеленчук, представили в том аманатов и что срок переселения назначен через 2 месяца… будут представлены 5 человек аманатов из первостепенных фамилий» [26, д. 46, л. 9].

В другом документе, в рапорте начальника Правого фланга Кавказской линии полковника Волкова, есть свидетельство, что воля эта исполнена и «шесть душ аманатов первостепенных фамилий, согласно прилагаемому при сем списку поручено… Тахтамышевскому приставу подполковнику Соколову, отправить теперь же в г. Ставрополь» [Там же, л. 1-2].

Дальнейшая судьба аманатов складывалась по-разному. Один из выданных от урупских кабардинцев малолетний Хажи Исмаил Чижоков был поручен Тахтамышевскому приставу подполковнику Соколову, который с прибытием в укрепление Усть-Джегутинское передал его за поручительством ногайскому князю поручику Тугану Ахлову [Там же, л. 15]. Другой находившийся в Ставрополе аманат, сын узденя Камбота Батишева Кучук, отдан приехавшему за ним отцу [Там же, л. 26]. Третий аманат Уйчуко Куденетов был зачислен на вакансию в благородный пансион при Ставропольской гимназии. В одном из официальных писем по этому поводу, в частности, говорилось: «В число 15-и воспитанников из горцев Кавказской линии, главнокомандующий войсками приказать изволил зачислить на вакансию находящегося здесь в аманатах сына 1-ой степени кабардинского уздена Умара Куденетова Увжука 10-и лет… я имею честь препроводить этого мальчика для зависящего распоряжения о принятии его воспитанником в благородный пансионер...» [24, д. 129, л. 44].

Таким образом, в первой половине XIX в. институт аманатства на Центральном Кавказе все еще играл важную роль в отношении тех народов, у которых существовало внешнее «приставское» управление и отсутствовали новые судебно-административные институты, учрежденные российской властью. При этом аманатство как эффективный инструмент внутренней политики постепенно себя изживало, российские власти продолжали его активно использовать только в отношении так называемых «непокорных горцев» и как превентивную меру «в борьбе с изменой». В рассматриваемый период имперская власть активно искала новые способы удержания в покорности и инкорпорации в состав России народов и обществ Северного Кавказа, прежде всего, через вовлечение отдельных представителей знатных фамилий в низовые административные структуры, военную службу и через институт образования, формируя тем самым местную пророссийски настроенную элиту.

Список литературы

1. **Абдулсаламов П. Б.** Роль аманатства в политических связях кумыкских феодальных владетелей с Россией в XVIII в. (по материалам Кизлярского комендантского архива) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 86-89.
2. **Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв.** / сост. В. К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. 635 с.
3. **Битова Е. Г.** Балкарская знать в условиях включения в административно-политическую систему Российской империи // Исторический вестник ИГИ КБР и КБЦ РАН. Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. 2. С. 141-164.
4. **Бутков П. Г.** Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год: в 3-х т. СПб., 1869. Т. 1. 548 с.
5. **Гапуров Ш. А.** Россия и Чечня в первой четверти XIX в. Нальчик, 2004. 448 с.
6. **Гринев А. В.** Туземцы-аманаты в Русской Америке [Электронный ресурс]. URL: http://america-xix.org.ru/library/grinev-indeans/ (дата обращения: 15.05.2016).
7. **Гугов Р. Х.** Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 684 с.
8. **Документы по истории Балкарии. 40-90-е гг. XIX в.** / сост. Е. О. Крикунова. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. 262 с.
9. **Записки А. П. Ермолова. 1798-1826 гг.** / сост., подг. текста, вступ. ст., коммент. В. А. Федорова. М.: Высш. шк., 1991. 463 с.

10. **Маремкулов А. Н.** Проблемы трансформации института аманатства на Северном Кавказе в XVIII-XIX веках // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 4. С. 105-110.
11. **О распределении пленных Горских народов, аманатов и Кабардинских беев и узденей**: Указ императора Александра I за № 28 354 от 13 июля 1820 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1830. Собр. I. Т. XXXVII. № 28354.
12. **Озова Ф. А.** К этимологии историзма «аманат» // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». 2014. № 4 (182). С. 45-54.
13. **Отношение генерал-лейтенанта Кнорринга к министру финансов графу Васильеву от 20 марта 1802 г. за № 337** // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1866. Т. 1. Ст. 1101. С. 743-744.
14. **Потто В. А.** Кавказская война: в 5-ти т. Ставрополь: Кавказский край, 1994.
15. **Российский государственный военно-исторический архив. Военно-ученый архив.** Оп. 1.
16. **Самрина Е. В.** Аманатство как социально-политический институт присоединения и покорения новых территорий к российскому государству в XVII-XIX вв. (на примере Хакасско-Минусинского края) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2013. № 49. С. 63-69.
17. **Смирнов Н. А.** Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М.: Изд-во соц.-эконом. лит-ры, 1958. 244 с.
18. **Сотавов Н. А.** Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII в. (от Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира 1700-1774 гг.). М.: Наука, 1991. 435 с.
19. **Торопицын И. В.** Институт аманатства во внутренней и внешней политике России в XVII-XVIII вв. // Кавказский сборник. М., 2007. Т. 4 (36). С. 59-80.
20. **Трепавлов В. В.** История Ногайской Орды. М.: Вост. лит-ра, 2002. 752 с.
21. **Тхамоков Н. Х.** К вопросу о роли системы аманатства в развитии русско-кабардинских связей в XVIII в. // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. Нальчик, 1971. Вып. 43. С. 108-115.
22. **Тютюнина Е. С.** Аманатская школа в Нальчике // Горянка. 2003. № 20.
23. **Умаханов М. С.** Аваро-российские отношения в конце XVI – начале XIX в. // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2008. № 30. С. 48-53.
24. **Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики** (ЦГА КБР). Ф. 1. Оп. 1.
25. **ЦГА КБР.** Ф. 16. Оп. 1.
26. **ЦГА КБР.** Ф. Р-1209. Оп. 13 (доп.).

AMANAT (HOSTAGE) INSTITUTION IN RUSSIAN POLICY IN THE CENTRAL CAUCASUS REGION IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Muratova Elena Georgievna, Doctor in History, Professor
Batueva Elina Askerbievna
Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov
lena_gm@mail.ru; elina.batueva@mail.ru

The article is devoted to the consideration of amanat institution in the Russian policy in the Central Caucasus region in the first half of the XIX century as an institution ensuring the implementation of political agreements and as an effective way to keep the conquered peoples in obedience, who had external government by officers in this period and did not have judicial and administrative institutions established by the Russian authorities. It is shown that amanat institution as an effective tool of internal policy was used primarily regarding the so-called “rebellious mountaineers” and as a preventive measure “in struggle against treason”. At the same time schools for children-amanats played a major role in the formation of the local pro-Russian elite.

Key words and phrases: Russian policy; North Caucasus; the XIX century; amanats (hostages); amanat schools.

УДК 78.01
Искусствоведение

В данной статье автор составляет и осмысливает картину музыкальных стилей современной популярной музыки на основании социологического опроса. Музыкально-социологический опрос подобного рода был проведен в отечественном музыковедении впервые за долгое время. Он позволил сделать выводы, что музыкальная культура на сегодняшний день формируется на элементах музыкального языка прежде всего джаза и рока; значительное влияние в музыкальной индустрии имеет стиль «хип-хоп»; наиболее востребованы на данный момент элементы художественного языка рок-музыки. Предлагается, отталкиваясь от мнения аудитории, определить тенденции и пути развития современного музыкально-художественного языка.

Ключевые слова и фразы: музыкальная индустрия; современная музыкальная культура; музыкальная аудитория; музыкальный стиль; джаз; рок.

Назин Александр Сергеевич
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
ASNazin@gmail.com

ПОПУЛЯРНОСТЬ СТИЛЕВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ И ЖАНРОВ ДЖАЗ- И РОК-МУЗЫКИ НАЧАЛА XXI ВЕКА: РЕЗУЛЬТАТЫ МУЗЫКАЛЬНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА

Важным направлением в исследованиях по специфике развития музыкального искусства являются социологические методы, которые позволяют определить значимость того или иного музыкального явления